

Глава 1

Рабочий день быстро катился к концу, а Анастасия Каменская никак не могла привести в порядок свои многочисленные бумажки, записи, статистические таблицы. Но порядок навести надо было непременно, потому что сегодняшняя пятница была последним рабочим днем перед отпуском. И вообще это был последний день ее незамужней жизни. Завтра, тринадцатого мая, в субботу, она, Настя Каменская, выйдет замуж.

Когда три месяца тому назад они с Алексеем Чистяковым подали заявление в загс, шуткам по этому поводу конца не было. Все знали, что Насте скоро исполнится тридцать пять, что с Чистяковым она знакома с девятого класса школы и все эти годы они были вместе, что замуж Каменская не хочет и к семейной жизни интереса не испытывает. Поэтому неожиданное ее решение вызвало у знакомых и коллег шквал вопросов, один другого ехиднее и бестактнее. Некоторые с подозрением оглядывали ее тонкую худощавую фигуру в поисках примет развивающейся беременности, другие уверяли, что Чистяков получил приглашение на работу в Стэнфордский университет и только перспектива спокойной жизни за границей в роли профессорской жены подвигнула Анастасию на столь неожиданный шаг. У третьих, краем уха наслышанных о нескольких слож-

ных ситуациях, в которые попадала Настя, сложилась оригинальная версия, согласно которой та просто стала бояться жить одна.

Но какими бы ни были объяснения, внешне поведение Настиных знакомых было совершенно одинаковым. Они подтрунивали над ней, но не скрывали своего одобрения. В конце концов, давно пора остепениться и стать как все.

Сегодня, двенадцатого мая, накануне свадьбы, все как с цепи сорвались. Не прошло и двадцати минут, чтобы кто-нибудь не позвонил или не зашел в ее кабинет с очередной дурацкой шуткой. Даже серьезный и не улыбочивый Игорь Лесников, позвав ее обедать и получив вежливый отказ, съехидничал:

— Конечно, сегодня можешь и поголодать. С завтрашнего дня у тебя дома будет персональный повар.

Настя не обиделась, потому что прекрасно понимала, на что намекал Игорь. Она была патологически ленива во всем, что не касалось работы. Она действительно не умела готовить, не любила ходить по магазинам, а дома старалась питаться так, чтобы количество грязной посуды было минимальным. Зато Леша был царь и бог не только в математике, но и на кухне. С тех пор как Настины родители разменяли свою большую квартиру на две маленькие и отселили взрослую дочь, Леша взял на себя заботу о здоровье своей подруги, потому что, если бы он не приезжал к ней как минимум раз в неделю готовить обед, она так и питалась бы бутербродами, запивая их немислимым количеством крепкого кофе.

С огромным удивлением она узнала, что весть о ее предстоящем замужестве достигла не только ее друзей. Собственно, в том, что об этом узнали многие, ничего странного не было, но она не предполагала, что этот факт может интересовать кого-то, кроме тех, кто ее давно знает. Оказалось, она была не права.

Несколько дней назад она приезжала в городскую прокуратуру к следователю Ольшанскому и столкнулась у него в кабинете с человеком, которого сама же разоблачила несколько месяцев назад и который ныне сидел в следственном изоляторе.

— Не повезло мне, — криво усмехнулся тот. — Протянул бы до мая, а там вы меня уже не поймали бы.

— Это почему же? — заинтересовалась Настя. — Куда б вы делись?

— Я бы никуда не делся, а только вы вышли бы замуж, — пояснил кандидат на высшую меру.

— Ну и что?

— И ничего. Вам не до меня стало бы. Это только у старых дев хватка бульдожья, потому что они вообще всех мужиков ненавидят. А у замужних женщин голова другим занята, они уже не работники, а так, отсиживают и зарплату получают. Так что я, считайте, неудачник.

Вернувшись на Петровку, Настя рассказала об этом своему начальнику, полковнику Гордееву.

— Вот! — торжественно воскликнул он. — А я тебе что говорил?

— А что вы мне говорили? — растерялась она, не понимая, что так воодушевило Виктора Алексеевича.

— А я тебе говорил, что самое грозное оружие сыщика — это его репутация. Не умение стрелять из «пушки», не быстрые ноги, не черный пояс карате, а именно репутация. Ты у меня маленькая тихая девочка, никто тебя не видит и не знает, сидишь в своем кабинетике и аналитические справочки для меня сочиняешь. Верно? А видишь, уголовнички наши тебя обсуждают. Значит, ты им интересна. Значит, ты для них опасна. Если уж они сами это признают, то это самая верная оценка. Запомни, Стасенька, плох тот

сыщик, о котором уголовный мир ничего не знает. Потому что раз не знает, значит, не интересуется. А раз не интересуется, значит, не боится. Значит, прошел преступник через руки такого сыщика и не заметил его, не запомнил. Уяснила?

— Да бросьте вы, Виктор Алексеевич, — вяло отмахнулась она. — Какой я сыщик? Смех один. Я аналитик, а не сыщик.

— Ну, смейся, смейся, — добродушно разрешил полковник. — Поглядим еще, долго ли ты будешь смеяться.

Это было четыре дня назад, и тогда Настя Каменская даже не подозревала, насколько прав ее начальник. И сегодня, накануне свадьбы, ей и в голову не приходило, что пройдет меньше суток, и она убедится, что преступники знают не только ее имя и фамилию. Но это случится лишь завтра, а сегодня она сидела в своем кабинете на Петровке, 38 и методично разбирала скопившиеся в сейфе и в ящиках стола бумажные завалы.

Почти в половине восьмого позвонил отчим.

— Ребенок, ты поедешь со мной в аэропорт встречать маму?

Настя замаялась. Она не видела мать несколько месяцев, но ведь все равно они завтра увидятся. А ей еще столько всего нужно сделать...

— Понял, — сухо сказал отчим. — Ты опять вся в делах.

— Ну папуля, — умоляюще протянула она. — Мне перед отпуском нужно все хвосты подчистить. Ты же сам знаешь.

— Знаю, — смягчился Леонид Петрович. — Слава богу, у тебя ума хватило отпуск взять. Ладно, поеду один.

— Спасибо, папуля, — с чувством сказала Настя. — Завтра увидимся.

Господи, как же ей повезло в жизни! Отчим, которого она, сколько себя помнила, называла папой, всегда понимал ее с полуслова, потому что сам много лет проработал в уголовном розыске. Начальник, с которым у нее за все восемь лет ни разу не возникало проблем. И Леша, который не только любит ее, но и знает как облупленную, поэтому никогда за все годы знакомства не сделал по отношению к ней ни одного неверного движения. Правда, ей понадобилось немало времени, чтобы понять, что это-то и есть самое ценное в человеческих отношениях, а вовсе никакая не африканская страсть и прочие глупости. Как только эта простая истина открылась ей, она тут же согласилась выйти за Чистякова замуж. Но объяснить это кому бы то ни было оказалось просто невозможным. Внешне все выглядело так, будто она согласилась выйти за него только потому, что он подарил ей компьютер. Даже самый близкий товарищ ее по работе Юра Коротков, и тот не мог ее понять.

— Лешка получил большой гонорар за учебник и купил мне компьютер, не сказав ни слова, — объясняла Настя. — А потом вышел меня встречать на автобусную остановку и стал спрашивать, не хочу ли я поехать куда-нибудь на Средиземное море отдыхать. Ты понимаешь? У меня дома уже стоял распакованный компьютер, а он идет по улице и спрашивает, не хочу ли я эти деньги потратить на поездку.

— А вдруг ты согласилась бы? — недоумевал Коротков. — Захотела бы на море, а он уже деньги потратил. Что тогда?

— Так в том-то и дело, что он был уверен в моем ответе, — горячилась Настя. — Он настолько хорошо меня изучил, что совершенно точно знал, чего я хочу больше. Хотя я ни разу не заикнулась ему ни о том, что мне нужен компьютер для работы, ни о том,

что я хочу на Средиземное море. Представь себе, что твоя жена каждый день по утрам дает тебе яичницу, потому что готовить что-нибудь серьезное на завтрак времени нет, а одним чаем ты не обойдешься. Исходя из традиционно имеющихся в доме продуктов, она может предложить тебе либо сосиски, либо яичницу, но сосиски ты терпеть не можешь, поэтому каждое утро ты получаешь свою глазунью. И вдруг ситуация стала другой, набор продуктов кардинально изменился. Яиц больше нет, зато есть йогурты, салат из креветок и крабов, ананасово-банановый десерт, свежие устрицы и барбекю. Она сможет, не задавая тебе ни одного вопроса, совершенно точно выбрать то, что ты захочешь съесть на завтрак? Заметь себе, раньше ей такую задачку решать не приходилось, потому что ничего этого раньше и в помине не было. Ни ты, ни она этого никогда не ели и вкус этих продуктов не обсуждали. Сможет?

— Вряд ли, — покачал головой Коротков. — Да я и сам, наверное, не смогу выбрать. Из того, что ты назвала, я только йогурт ел.

— Ну вот, видишь. Точно так же и Лешка. Он никогда не обсуждал со мной вопрос о том, как бы я захотела истратить три тысячи долларов. У меня таких денег сроду не было, у него тоже, так что и обсуждать было нечего. А когда они появились, он совершенно безошибочно определил, что бы я с ними сделала. Для этого надо не только знать меня, но и чувствовать, как себя самого. Вот тогда я и поняла, что другого такого Лешки в моей жизни никогда не будет.

— Ну конечно, — скептически усмехнулся Коротков, — ни один нормальный мужик не станет терпеть твою бесконечную работу и твою безразмерную лень. Признайся, тебе просто захотелось семейного

уюта, но созданного чужими руками, и не пой мне песни про высокие чувства. А то я тебя не знаю!

— Да ну тебя, Юрка, — вздохнула Настя. — Вечно ты все опозишь.

История с компьютером не убедила никого, но тем не менее все было именно так. И сегодня, в пятницу, около девяти часов вечера, запирая дверь своего кабинета и мысленно прощаясь с ним почти на полтора месяца, Анастасия Каменская подумала, что, пожалуй, не совершает ошибку, выходя замуж.

По дороге к метро она вспомнила, что собиралась купить подарок сводному брату. Александр Каменский, сын Настиного отца от второго брака, тоже собирался вступать в брак и тоже завтра. Он был моложе ее на семь лет и прожил свою жизнь в суматошных делах бизнеса, унылых сухих расчетах и больших долларах. Он был удачно, но скучно женат и не помышлял ни о каких праздниках жизни, пока не встретил удивительную девушку, которая любила его горячо, искренне и совершенно бескорыстно. Саше понадобилось немало времени и усилий, чтобы в это поверить, зато потом он в одно мгновение превратился в волшебника, для которого наивысшим наслаждением было делать подарки и устраивать чудеса. Узнав, что сестра, сыгравшая такую большую роль в его отношениях с Дашей, выходит замуж 13 мая, он пустил в ход все свои способности и деньги, чтобы успеть развестись, и договорился, чтобы его бракосочетание с новой невестой было назначено на этот же день. Конечно, ему хотелось бы, чтобы обе свадьбы состоялись в одном загсе, но тут не помогли никакие связи: регистрировали браки только по месту жительства жениха или невесты. Исключение составлял только Дворец бракосочетаний, где регистрировали всех, но тут Настя стояла насмерть:

никаких Дворцов, никакой помпезности, все должно быть быстро, тихо и скромно.

Его грандиозный замысел состоял в том, что сначала Настя с Алексеем и он с Дашей поедут к десяти утра в один загс, где Саша женится на своей невесте, а сестра и ее жених выступят в роли свидетелей, потом они сядут в машину и поедут в другой загс, где регистрируют свой брак Настя с Лешей, а они с Дашей будут свидетелями. После чего дружной толпой они двинутся в ресторан, где уже будут ждать четыре родительские пары, и скромно пообедают.

— Может, не стоит? — сомневалась Настя, которая вообще не собиралась делать из своего бракосочетания вселенский праздник. — Я не думаю, что наш с тобой общий отец будет чувствовать себя хорошо в присутствии двух жен, бывшей и нынешней.

— Ох, Ася, не выдумывай. Столько лет прошло, это уже никого не может взволновать. Наоборот, я уверен, что это — правильный ход. Ты так много сделала для нас с Дашкой, что я не могу не быть на твоей свадьбе и не хочу праздновать свою без тебя.

— Ну и не надо было подстраивать их в один день, — в сердцах сказала Настя. — Сам же создаешь трудности, а потом с героическим рвением все должны их преодолевать. Поженились бы с разницей в неделю, что страшного?

— А праздник? — возмущенно спросил брат. — Весь же смысл в том, чтобы в один день. Такая красивая история! И годовщины потом будем отмечать вместе. Ася, ты живешь совковыми представлениями, ты не понимаешь, какие праздники можно себе устраивать сейчас. Конечно, в этом году мы уже никуда не поедем после свадьбы, Дашке рожать через два месяца, а на будущий год мы можем отпраздновать нашу первую годовщину, например, в Мадриде. Вторую годовщину — в Вене. Третью — в Париже.

Мы будем ездить вчетвером, мы сделаем из этого традицию, красивую традицию, которую будем беречь и поддерживать, а все будут удивляться, ахать и качать головами, потому что ни у кого не будет такого замечательного праздника — брат и сестра и их супруги отмечают свои одинаковые свадебные годовщины.

— Саша, соразмеряй, пожалуйста, свои намерения с моим материальным положением, — раздраженно отвечала ему Настя. — Я не поеду ни в Мадрид, ни в Вену, ни в Париж, у меня никогда не будет на это денег. Твои замашки миллионера меня из себя выводят.

— Иди ты к черту, — хохотал в ответ Александр Каменский, который был так ослеплен любовью, что никому не позволял омрачать им же самим созданный прекрасный мир. — Ты — моя сестра, и я буду возить тебя по всему миру за свои деньги.

Ему удалось настоять на своем, и завтра предстояло отпраздновать сразу две свадьбы. Подарок для Даши Настя купила давно, а вот покупку подарка для брата все откладывала на потом. В результате пришлось заняться этим сегодня вечером.

На Пушкинской площади она села в троллейбус и поехала на Арбат. Ей казалось, что именно там в киоске она видела роскошный офисный набор для делового человека. Медленно двигаясь от киоска к киоску и с трудом преодолевая искушение купить большую банку сырных шариков, Настя вдруг заметила машину, показавшуюся ей знакомой. Спустя секунду она вспомнила, чья это машина, но что-то неприятно резануло глаз. Она сосредоточилась и снова глянула через окно в салон. Там, на заднем сиденье, лежал плащ из ярко-алой лайки с черными вставками. Она хорошо помнила этот плащ, такие в Москве встречались редко.

Настя медленно обвела глазами улицу и увидела небольшое открытое кафе. Владелец автомашины и обладательница дорогого экстравагантного плаща сидели за столиком к ней спиной и о чем-то увлеченно беседовали. Собственно, теперь Насте не было до этого никакого дела, но все же, все же...

Она неторопливо подошла к прилавку, взяла чашку кофе и пирожное и села за соседний столик, стараясь выбрать место так, чтобы не бросаться парочке в глаза и в то же время хорошо слышать, о чем они говорят.

— ...очень жарко. Мои знакомые ездили туда в июле, говорят, что умереть можно с непривычки. Туда нужно ехать попозже, в сентябре, — доносился до нее чуть капризный голосок девушки.

— Но мы же ездили с тобой в прошлом году в июле, — возражал ее спутник. — По-моему, было в самый раз. Ты даже не обгорела.

— Что ты сравниваешь! — презрительно фыркнула девушка. — Мы же были в Коста-Браве, там совсем другой климат. А в Турции в июле мы с ума сойдем.

— Мне говорили, что в Турции есть одно место, самое экологически чистое, так там очень хорошо даже в июле, — не сдавался молодой человек. — Сосны, песок, воздух свежий.

— Что за место? — недоверчиво спросила его подруга.

— Это... как его... Вот черт, забыл, как оно называется.

— Оно называется Кемер, — громко сказала Настя, не поворачивая головы в их сторону.

— Точно, Кемер! — обрадованно подхватил мужской голос.

— Между прочим, подслушивать неприлично, —

с вызовом сказала девушка. — И вмешиваться в чужие разговоры — тоже.

Настя осторожно поставила чашку на столик и повернулась к ним. В первую секунду они ее не узнали. Потом парень резко побледнел, а у девушки, напротив, выступили на скулах красные пятна.

— Я бы на вашем месте не рассуждала о приличиях, — спокойно заметила Настя. — То, что вы сделали, подпадает под статью Уголовного кодекса о заведомо ложных показаниях.

— Вы не докажете! — вспыхнула девушка. — И вообще это неправда.

— Что — неправда? То, что вы в прошлом году ездили вместе отдыхать? То, что вы давно и хорошо знакомы?

— Ну и что? — продолжала упираться та. — Что такого, что мы знакомы?

— Да ничего, — вздохнула Настя. — Просто алиби вашего дружка выглядело очень убедительным именно потому, что вы, случайная прохожая, твердо его опознали как человека, который столкнулся с вами на улице как раз в то время, когда на другом конце города было совершено преступление. А коль вы на самом деле знакомы, то картинка получается совсем другая.

— Все равно, дело уже закрыто, — вмешался наконец молодой человек.

— Как закрыли, так и откроют, — пожалала плечами Настя. — Делов-то.

Такого оборота парочка явно не ожидала. Видно, они считали, что если уголовное дело закрывают, то это уже навсегда. Наверное, никто им не объяснял, что дела о нераскрытых преступлениях не закрывают в течение многих лет. Их всего лишь приостанавливают, но в любой момент производство по делу может быть возобновлено.

Настя допила кофе и встала.

— В понедельник я сообщу следователю о нашей с вами трогательной встрече, а уж он пусть решает. Не исключено, что вам повезет, и он не сочтет мое сообщение достойным внимания. Но я вас все-таки предупреждаю.

Парочка молча проводила ее глазами. От разговора у Насти остался неприятный осадок. Она живо вспомнила избитую и изнасилованную девушку, которая на опознании держалась не очень уверенно, потому что из-за испуга и боли плохо запомнила лицо преступника. Зато эта маленькая сучка, ездившая каждый год отдыхать на модные курорты, твердо заявила, что видела этого молодого человека совсем в другом месте. Она его хорошо запомнила, потому что, видите ли, он принадлежит как раз к тому типу мужчин, который ей больше всего нравится. И ведь не солгала, мерзавка, он ей действительно нравится.

Купив наконец подарок брату, она зашла в будку телефона-автомата и позвонила следователю.

— Константин Михайлович, простите, что звоню домой, но завтра у меня будет суматошный день. А с понедельника я в отпуске.

— Ничего, ничего, говори.

— Я только что узнала, что у Артюхина было ложное алиби. Девушка, которая его опознала как человека, спрашивавшего у нее дорогу, на самом деле его давняя подружка.

— Ишь ты! — присвистнул Константин Михайлович. — Выходит, они нас изящно надули?

— Выходит, что так. Я их успокоила до понедельника.

— Ладно, Настасья, я понял. Завтра начну проверять, только ты мне скажи, что именно.

— Они в прошлом году вместе ездили отдыхать в

Испанию, в Коста-Браво, в июле. Значит, они знакомы не меньше года.

— Вот дряни. Погоди-ка, — спохватился он, — у тебя же завтра свадьба. Или я путаю?

— Нет, не путаете.

— Так чего же ты...

— Но свадьба-то завтра, а не сегодня. Сегодня я еще работаю.

— Каменская, тебе никогда не говорили, что ты чокнутая?

— Регулярно говорят. Вы будете сто девятнадцатым.

— Слава богу, на свете, кроме меня, есть еще сто восемнадцать нормальных людей. А твой будущий муж тоже из их числа?

— Нет, — улыбнулась она, — он еще более сумасшедший, чем я. Когда приезжает ко мне на выходные, берет с собой свои бумаги и пытается что-то написать.

— Ну, два сапога — пара. Счастливо тебе. А Артюхина я уделаю, как бог черепаху. Ступай под венец и ни о чем не беспокойся.

* * *

Домой она вернулась в двенадцатом часу. Чистяков сидел на кухне и раскладывал пасьянс. Захватившее мероприятие его, как и Настю, ничуть не волновало. Может быть, оттого, что он слишком долго ждал этого и за долгие годы успел «перегореть».

— Лешик, ты сердишься? — робко спросила она, переступая порог. — Извини, солнышко, так много дел скопилось, я даже маму встречать не поехала. И еще подарок Саше купить надо было...

— А меня предупредить не надо было? — сердит-

то откликнулся Чистяков. — Ночь на дворе, а тебя где-то носит. Есть будешь?

— Будешь. То есть буду, — поправилась она.

Глядя на уплетающую салат Настю, Леша смягчился. Жива-здорова — и хорошо. Ее все равно не переделать. Да и не нужно, наверное.

* * *

Эля Бартош расстегнула замочек и сняла с шеи очередное украшение.

— Это тоже не годится, — со вздохом сказала она. — Оно слишком яркое и отвлекает внимание от платья. Что у нас еще есть?

— Успокойся, наконец, — раздраженно откликнулась Тамила. — Ты так готовишься, словно это единственное событие в твоей жизни и других уже не будет. Знаешь, что говорил в свое время твой дед профессор Берекашвили? Что в нашей жизни есть только одно событие, которое никогда не повторяется: защита кандидатской диссертации. Человек может написать и защитить хоть пять диссертаций, но только одна из них, самая первая, будет кандидатской, а все остальные — уже докторские, даже если они по совершенно разным специальностям. А замуж можно выходить десятки раз, пока ноги носят. Поэтому не стоит относиться к завтрашнему событию как к слишком серьезному и ответственному. Ну, подумай, сходите в загс, после этого проживете несколько месяцев, напьетесь вместе, утолите юношеский голод, потом тебе это надоест до смерти и ты побежишь разводиться.

Эля опустила голову и тяжело села на стул, не обращая внимания на то, что мнет роскошное свадебное платье. По ее щекам тихонько заструились слезы, она шмыгнула носом и отерла лицо ладонью.

— Ну, начинается, — сухо сказала Тамила, аккуратно складывая в коробочки разбросанные по столу дорогие украшения. — Ты такая нервная, моя дорогая, что тебе уже и слова сказать нельзя. Держи себя в руках, иначе людям трудно будет с тобой общаться. Шутки ты не понимаешь, чуть что — обижаешься, начинаешь плакать. И что у тебя за характер такой отвратительный!

При последних словах матери Эля сорвалась с места и убежала в свою комнату. Мать никогда не скрывала своего недовольства тем, какого жениха выбрала себе ее девочка. Она, дочь гордого и независимого грузинского ученого и известной писательницы из рода дворян Берсеневых, в свое время вышла замуж за венгра Иштвана Бартоша, сына аккредитованного в Москве дипломата. Зарубежные деловые связи по линии семьи мужа в сочетании с фамильными драгоценностями рода Берсеневых позволили Тамиле Бартош вести достаточно приятный и необременительный образ жизни, блистая на приемах и деловых обедах, сопровождая мужа в поездках сначала якобы к живущим за границей родственникам, а потом — по вполне легальным делам бизнеса. Яркая, раскованная, с породистым горбоносым лицом и густыми иссиня-черными кудрями, высокой грудью и пышными бедрами, Тамила постоянно была в центре внимания и в свои сорок пять не имела недостатка в поклонниках. О том, что значительная часть последних была привлечена отнюдь не ее достоинствами, а исключительно связями и богатством Иштвана, она и не думала. Выросшая в семье элитарной интеллигенции, свободно владеющая немецким и венгерским языками, с детства привыкшая к достатку, любви и всеобщему вниманию, она и по сей день воспринимала свою привлекатель-

ность как нечто само собой разумеющееся, что существовало всегда и исчезнет только вместе с ней.

Разумеется, будущий зять представлялся ей вполне определенным образом. И уж никак не в облике добросовестного очкарика-аспиранта, живущего вдвоем с матерью. Ни кола ни двора, ни блестящего будущего. Конечно, Пишта (Тамила, подчеркивая происхождение мужа, даже домашнее уменьшительное имя употребляла по правилам венгерского языка), так вот, Пишта мог бы сделать мальчику хорошую карьеру, взять его в дело, а потом, быть может, и в компаньоны. Но стоит ли? Аспирант отнюдь не выглядел золотым самородком, на обработку которого имело смысл тратить время и деньги. Обыкновенный дурачок, ни деловой хватки в нем нет, ни склонности к финансовой деятельности, ни ловкости и энергичности. Приглядевшись к нему повнимательнее, Тамила решила, что все дело в его невероятной сексуальности, против которой, конечно, не может устоять ее глупенькая молоденькая дочка. Парень был настолько сексуален, что это ощущала даже выдавшая виды Тамила. Когда включены столь мощные природные механизмы, любое препятствие только усиливает взаимную тягу, мудро рассудила мать, поэтому пытаться отговорить дочь и отменить свадьбу бессмысленно, этим можно только навредить. Ничего, пусть поженятся, цинично думала Тамила, натрахаются до обморока и отвращения, а потом можно будет потихонечку их развести. Надо только с самого начала выбить из дочкиной головы эту дурь о том, что муж дается небесами раз и навсегда, в нищете и богатстве, в горе и в радости, в болезни и в здравии, пока смерть не разлучит... Ну, и все в таком духе. Пусть Элена уже сейчас, накануне свадьбы, понимает, что событие завтра ей предстоит вполне

рядовое, а не исключительное, и таких событий в ее жизни будет еще, бог даст, немало.

Эля вышла из своей комнаты с красными глазами и опухшим лицом. Сейчас на ней было уже не белое роскошное платье, а изумрудно-зеленые переливающиеся лосины и длинный, почти до колен, блузон с серыми и зелеными цветами. Черные густые волосы подняты высоко на затылок и скреплены заколкой, открывая трогательно тонкую, хрупкую шейку, крупные красиво очерченные губы накрашены темной помадой.

— Я пойду к Кате, — с вызовом сообщила она матери, ожидая очередного всплеска ссоры. Уже восемь вечера, надо бы лечь пораньше, чтобы завтра хорошо выглядеть, ведь встать придется очень рано: к семи часам уже придет Наташа делать прическу, к восьми прибудет Галя с принадлежностями для макияжа, потом явится маникюрша, а в половине десятого уже надо будет садиться в машину и ехать на регистрацию. Загс открывается в десять, и Тамила настояла на том, чтобы им назначили время сразу после открытия. Ее дочь должна быть первой, а не стоять в очереди вместе со всеми.

— Иди, — равнодушно пожала плечами мать. — Опять ляжешь поздно и завтра будешь выглядеть как маринованная селедка. Мне-то что, ты замуж выходишь, твоя свадьба, а не моя.

Эля молниеносно вылетела из квартиры, хлопнув дверью, чтобы снова не расплакаться. Иногда она люто ненавидела свою мать. И в последние месяцы это «иногда» возникало столь часто, что его с полным правом можно было начать переименовывать в «почти всегда».

Ее задушевная подружка Катя жила в соседнем подъезде. Когда-то девочки учились в одном классе, потом вместе поступали в институт, Катя — с блес-

ком, Эля — с «парой» на втором же экзамене. Теперь Катя училась уже на третьем курсе, а Эля по-прежнему валяла дурака, регулярно ездила за границу то вместе с родителями, то с туристическими группами и делала вид, что изучает историю киноискусства. Тамила, в своей жизни ни одного дня не работавшая, считала образ жизни дочери вполне нормальным, надо только найти ей подходящего мужа, который сможет поддерживать такое существование на должном уровне.

Катя страшно удивилась, увидев подругу:

— Эля? Что-нибудь случилось?

— Ничего. Зашла потрепаться.

— Накануне свадьбы? — недоверчиво переспросила Катя. — Тебе больше заняться нечем?

— Если я тебе мешаю, я уйду, — вспыхнула Эля. — Я что, не вовремя?

— Да ну что ты, проходи, — успокоила ее Катя. — Просто я очень удивилась. Обычно невесты накануне свадьбы заняты всякими делами, хлопотами, машины, гости, продукты и все такое. А потом до поздней ночи сидят с женихом в темном уголке и мечтают, как завтра в это же время будут делать все то же самое, только уже на законном основании.

— Я не знаю, как обычно ведут себя невесты, — зло сказала Эля. — Ты — моя единственная подруга, а ты замуж пока не выходила.

— Ну, у нас на курсе за три года почти половина девчонок замуж повыскакивала, — засмеялась подруга, — поэтому я на невест насмотрелась. Чай будешь пить?

— Я бы съела что-нибудь, — смущенно призналась невеста.

Катя внимательно посмотрела на девушку.

— Элена, кончай темнить. Ты же только что из

дома, у тебя макияж свежий и на ногах домашние шлепанцы вместо туфель.

— И что?

— Так почему ты голодная? Тебя мать что, не кормит? Или ты опять с ней погавкалась и трусливо сбежала, забыв переобуться?

У Эли задрожали губы, и через секунду она уже снова рыдала на плече у подруги.

— Почему мама его так не любит? Что он ей сделал плохого?

— Эленька, милая, а почему она должна его любить, скажи на милость? Это ты должна любить своего Валеру, вот ты его и любишь. И не требуй от мамы, чтобы ее вкусы совпадали с твоими.

Катя гладила плачущую девушку по голове и с грустью думала о том, что ее доводы, пожалуй, сложноваты для славной, доброй, но ограниченной Элены. С неутихающей болью она снова и снова задавала себе вопрос: что нашел в этой глуповатой девчушке блестящий будущий ученый Валерий Турбин? Он был аспирантом кафедры философии, и Катя познакомилась с ним, когда он пришел в их группу на целый семестр вести семинарские занятия. Турбин сразу выделил способную незаурядную студентку из общей массы третьекурсников, с ней одной он мог разговаривать на том языке, на котором привык общаться с профессорами и доцентами. Взаимный интерес вскоре подкрепился взаимной симпатией, плавно перешедшей во влечение, и кто знает, как бы все обернулось, если бы бездельница Эля не решила потащиться вместе с подругой в институт, чтобы оказать ей моральную поддержку, пока та будет сдавать экзамен по социальной психологии. Катя в аудитории сражалась с вопросами билета в обществе преподавателя, а Элена в коридоре, прислонившись к подоконнику, переживала за нее в

обществе молодого аспиранта, который случайно проходил мимо. Вышедшей после экзамена Кате хватило одного взгляда, чтобы понять, что произошло. Но Эля и Турбин списали ее внезапную бледность на перенапряжение и волнение, вызванные экзаменом.

Катя смирилась сразу, по характеру она не была бойцом и не стала поэтому воевать с Элей за место возле Турбина. Рана до сих пор не зажила, но ведь Катя не случайно выбрала для себя институт, где изучала философию, социологию и психологию. Она занималась тем, в чем хорошо разбиралась, что было ей близко, понятно и интересно. И ей удалось развести в своей душе в разные стороны любовь к Валерию Турбину и свою дружбу с соседкой и однокурсницей Элей Бартош. В глубине души она даже немного жалела подругу: ни друзей, ни дела, которое бы ее занимало, ни интересов. При такой жизни романтическая история действительно становится центром существования, помыслов, чувств, и все, что ей угрожает, воспринимается как катастрофа или, по крайней мере, как трагедия. «В моей жизни, — думала Катя, — бог даст, еще будут другие интересные и умные мужчины, а Элька где их найдет? Она же нигде не бывает, ни с кем не общается, ездит по заграницам, но в этих тургруппах в основном женщины собираются, а если мужчины и попадают, то обязательно или с женой, или с ребенком. Одинокие богачи в турпоездки не ездят. Знакомиться на улице Эля тоже не может, ей с детства строго-настрого внушили, что делать этого нельзя. Конечно, Элька плевать хотела на родительские запреты, но она ведь и сама прекрасно понимает: при том положении, которое занимает ее отец, никто в семье не имеет права рисковать, заводя случайные знакомства.

Эдак собственного убийцу или грабителя в дом приведишь...»

Эля наконец успокоилась, и девушки прощепетали почти до одиннадцати часов. Возвращаясь домой, Эля вытащила из почтового ящика газеты и маленький белый конверт. Конверт был не подписан, и она несколько секунд задумчиво крутила его в руках, размышляя, надо ли его вскрыть самой или отдать родителям. Любопытство победило, она надорвала край и вытащила сложенный в четыре раза листочек бумаги. На нем крупными печатными буквами было написано: «Не делай этого. Пожалеешь».

Глава 2

Настя только-только успела встать под душ, как в квартире раздался звонок. Леша открыл дверь, и на него вихрем налетела Даша с сияющими глазами. Она была на восьмом месяце беременности, поэтому вместо свадебного платья на ней был надет легкий шелковый костюм кремового цвета, состоящий из свободных широких брюк и длинной блузки на кокетке с мягкими красиво спадающими складками. Беременность не испортила ее лица, обрамленного густыми медово-пшеничными волосами; огромные синие глаза смотрели ласково и приветливо, и в умело сшитом костюме она выглядела скорее не как будущая мать, а как очаровательная толстушка.

— Так я и знала, вы еще дрыхнете! Ну ладно, Анастасия известная соня и лентяйка, но ты-то!

— А что я? — удивился Чистяков. — Нам же к десяти в загс, а сейчас еще только восемь.

— А одеваться? А краситься? А цветы покупать? Через час за нами заедет Александр, а у вас с Настей еще конь не валялся.

— Да ладно тебе, — успокаивал Леша будущую родственницу, — успеем. Не волнуйся, тебе вредно.

— Где невеста? — строго спросила Даша.

— Под душем стоит, просыпается.

— Костюм приготовила?

— Я не знаю, — растерялся Чистяков. — Я не спрашивал.

— Так я и знала! Небось даже не удосужилась проверить, все ли пуговицы на месте и не нужно ли его гладить. Иди займись завтраком, а я посмотрю костюм.

Чистяков покорно поплелся на кухню варить кофе, а из комнаты до него то и дело доносились вздохи и причитания Даши.

— Господи, да куда же она засунула ту блузку, которую я ей велела надеть? Она же была где-то здесь... Конечно, юбку надо гладить... Нет, это не невеста, это недоразумение какое-то... Хоть утюг-то есть в этом доме?

Вышедшая из ванной Настя так и застыла, будто окаменела, увидев результаты бурной Дашиной деятельности. Вся одежда из ее шкафа была разбросана на диване и креслах, а посреди комнаты на коленях стояла Даша и, разложив на полу тонкое байковое одеяло, гладила Настину черную юбку.

— Чего ты стоишь, как изваяние? — спросила Даша, не оборачиваясь. — Иди быстро пей кофе и начинай заниматься лицом.

— Может, не надо? — осторожно сказала Настя, которая терпеть не могла краситься, хотя и признавала, что с умело наложенным макияжем становится куда привлекательнее.

— Еще чего! Как это «не надо»? Анастасия, не торгуйся, мы с тобой уже давно обо всем договорились. Я согласилась, что ты не будешь покупать к

свадьбе специальное платье, наденешь то, что есть, но уж лицо будь любезна привести в порядок.

Она повернула голову и увидела сестру своего жениха, стоящую босиком и закутанную в длинное махровое полотенце.

— Ну Настя же! — нетерпеливо воскликнула Даша, с остервенением вода утюгом по юбке. — Не выводи меня из себя, шевелись. Мы же опоздаем!

Когда ровно в девять в дверь позвонил Александр Каменский, Настя уже выпила две чашки кофе и в выглаженном костюме стояла перед зеркалом в ванной, нанося на лицо макияж.

— Ася! — крикнул брат из прихожей. — Тебе письмо.

— Какое?

— Не знаю. В дверях торчал конверт. Без надписи.

Настя положила кисточку и вышла навстречу брату. Они расцеловались, оглядывая друг друга насмешливо, но придирчиво.

— Ну как? — спросила Настя. — Гожусь?

— Вполне. А я?

Высокий, худой, некрасивый, Саша сегодня выглядел суперменом из голливудского фильма. То ли костюм его был сшит у по-настоящему хорошего портного, то ли выражение лица изменилось, но весь его облик, казалось, кричал: «Я удачлив, и я могу все. У меня получается все, как я хочу, и никто не может мне помешать».

— Чертовски хорош, — улыбнулась Настя. — Давай письмо.

Она взяла протянутый белый конверт и нетерпеливо вскрыла. На сложенном в четыре раза листочке бумаги печатными буквами было написано: «Не делай этого. Пожалеешь».

Она не сумела справиться с собой, резко побледнела, руки задрожали.

— Что? — озабоченно спросил Александр. — Что-нибудь плохое?

— Не обращай внимания. Ерунда всякая, — ответила она, стараясь не выдать испуга и волнения.

— Ася!

— Сашенька, не бери в голову. Все в порядке. К нашей общей свадьбе это никакого отношения не имеет. Пойди, пожалуйста, на кухню и на пять минут отвлеки Дашу и Лешку, чтобы они не входили в комнату. Мне нужно позвонить.

Она закрыла дверь, схватила телефонный аппарат и набрала номер следователя Ольшанского.

— Константин Михайлович, — торопливо заговорила она, — Артюхин, видно, здорово испугался. Мне в дверь сунули письмо угрожающего содержания. Чтобы я не сообщала следователю, то есть вам, о нашей с ним вчерашней встрече, а то, дескать, пожалею.

— За письмо хваталась?

— Только ногтями и за самый краешек. Я ученая, как собака Павлова. За такие письма никогда пальцами не хватаюсь, это уже на уровне рефлекса.

— Ты где сейчас?

— Пока дома. Через десять минут уезжаю.

— В какую сторону?

— Сначала в Сокольники к десяти часам, а потом, к двенадцати, возвращаюсь в район Измайлова, потом к двум часам едем в центр, в «Метрополь».

— Я подскочу в Сокольники к десяти, отдашь мне письмо. И не дергайся, слышишь, Каменская? Если ты действительно убедила его, что до понедельника ничего предпринимать не будешь, то до понедельника он тебя и не тронет. А за два дня я его достану, он даже пискнуть не успеет. Ну Артюхин, ну сволочь!

Поговорив со следователем, Настя кинулась в

ванную заканчивать макияж. Из кухни до нее доносились оживленные голоса брата и его невесты, которые живо обсуждали, какие цветы больше всего подойдут Насте как свидетельнице и Насте как невесте, какие цветы нужно будет купить для ресторана и уместно ли будет Саше преподнести подарок Настиной матери — первой жене своего отца. Леша участия в обсуждении не принимал, во всяком случае, его голоса Настя не услышала.

Она уже наносила широкой мягкой кисточкой последние штрихи, накладывая на скулы какие-то невидимые румяна, которые должны были подчеркнуть овал лица, когда из кухни вышел брат.

— Ну как? Все в порядке?

— Более или менее, — ответила она, не отрывая взгляд от зеркала. — В Сокольниках возле загса будет стоять голубой «Москвич», постарайся встать около него, хорошо?

— Хорошо. А что это за машина?

— Это машина следователя из городской прокуратуры. Я отдам ему письмо, пусть эксперты поработают, пока я буду бракосочетаться.

Саша встал у нее за спиной, чтобы видеть лицо сестры хотя бы в зеркале и поймать ее взгляд.

— Ася, я задам вопрос, может быть, бестактный, но дай слово, что не будешь врать мне. Или ответишь честно, или вообще не отвечай.

— Ну, даю, — невнятно промычала она, проводя по губам темно-телесной помадой.

— Ты жалеешь, что выходишь замуж? Вот сейчас, в эту самую минуту, ты жалеешь, что тебе нужно ехать в загс, вместо того чтобы самой отвезти это чертово письмо экспертам и сидеть у них над душой, пока не будет результата. Правда? А потом, получив ответ экспертизы, ты бы помчалась еще куда-нибудь и занялась бы поисками того, кто тебе угрожает.